

Ярослав Астахов

ЧЕРНЫЕ ВРАТА

ПРОЗЫ И ПОВЕСТИ

Ярослав Астахов

Черные врата

Авторский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161203

Черные врата: Альва-Первая; Москва; 2006

ISBN 5-98668-008-1

Аннотация

Есть грозное и величественное предание, которое хранит церковь. Если на Гроб Господень в Иерусалиме на праздник Пасхи сходит Небесный огонь – мир сей простоит еще, по крайней мере, текущий год. Но год, который будет отмечен тем, что Огонь не сойдет на Гроб... это и будет срок Битвы. Последней... той, о которой сказано в Откровении Иоанна. Однажды нисхождения Огня не произойдет. И это будет последнее предупреждение, последний призыв от Бога – покаяться. Как это воспримет мир? Придет в ужас? Ударится в повальную панику? Придумает какое-нибудь «объяснение» или подлог и снова примется обманывать себя, но уже «танцуя на самом краю»? Или, все-таки... Ярослав Астахов, автор «Крушения Лабиринта», мистического романа о глубинах прошлого, теперь устремляет взгляд в будущее. Возможно, что в уже недалекое.

Содержание

ЯРЧАЙШЕЕ ИЗ ЧУДЕС	4
Черные врата	11
1. ВАЛЬКИРИЯ	11
2. ТУДА И ОБРАТНО	19
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Ярослав Астахов

Черные врата

ЯРЧАЙШЕЕ ИЗ ЧУДЕС

(предисловие автора)

Огонь пришел Я низвести на землю...
Евангелие от Луки, 12:49

Своими глазами я не видел этого Чуда. Случилось лишь посмотреть несколько раз о нем репортажи по телевизору. Едва ли будет ошибкою сказать, что оно есть Главное Чудо Света. Конечно, это я говорю о сошествии в Иерусалиме на Гроб Господень Огня с Небес.

Я был потрясен, когда впервые услышал о нисхождении Огня каждый год в канун Светлого Христова Воскресения. Каких еще доказательств нужно современным фомам неверующим? Не собираюсь утомлять читателя пространными изложением исторических сведений, но все же считаю долгом предварить повесть, предлагаемую вниманию его, немногими словами о фактах, известных об этом Чуде.

О нем свидетельствовали еще святые первых веков: Иоанн Дамаскин, Григорий Нисский... Огонь сей видели крестоносцы, когда отвоевали у сарацин Гроб Господень...

Чудо нисхождения совершается *ежегодно*, и никаких исключений из этого правила неизвестно. Время его – канун Пасхи, то есть вполне определенные несколько часов. И это *православная* Пасха, а не католиков, у которых рассчитывается по Григорианскому, то есть, вроде бы, новому и более «правильному» календарному стилю. То праздник переходящий – у него нет постоянной даты: Пасха отмечается каждый год в иной день, чем тот, в который праздновалась в год прошлый. Разброс по датам составляет около месяца... Огонь снисходит лишь при молитвенном стоянии у Гроба православного патриарха.

Таковы факты. Что перед их лицом рассуждения скептиков о «неизвестном атмосферном явлении, которое возникает с периодичностью в один год, потому что в определенный день в известное место стекаются какие-то неизученные физические обстоятельства»?

Однажды, было, попробовали без православного патриарха. Несколько веков назад вооруженные грегориане (армянский католический толк) перекрыли все входы в храм Воскресения, не допуская православного архиерея ко Гробу Христа. Так вот, грегорианский патриарх тщетно провел в Пещере долгие часы: храм оставался темен. Православный же патриарх плакал и молился, стоя вне храма, у одной из его колонн... И вдруг Огонь снизошел на эту колонну. (Она до сих пор оплавленная.) Как молния, сверкнувшая среди ясного неба!

С тех пор ни одна конфессия не смеет оспаривать исключительность благодати, которая дана Православию – благодати на восприимчивость Огня. Весь христианский мир зажигает на Пасху свечи от православной лампы. И первую четверть часа по нисхождении этот Огонь – не жжет! Паломники и монахи окунают во пламя лица – ни кожа, ни даже единый волос бороды и усов не оказывается опален. Напротив, некоторые получают от Огня исцеления случившихся прежде повреждений или недугов. Огонь дает внезапные вспышки, храм делается переполнен Огнем и, если бы это был огонь обычный физический – то неминуем пожар. Но полыхает лишь пожар ликования христиан – свидетелей Чуда...

Но что же патриарх? Он падает вдруг без сил. Старец изможден столь, что не в состоянии ни идти, ни просто даже стоять – и его на руках уносят монахи. Православный архиерей все силы, все сердце вложил в молитву о нисхождении Огня... Есть грозное и величественное предание, которое хранит Церковь: если Огонь снисходит – мир этот простоит еще, по крайней мере, сей год; но год, который будет отмечен тем, что Огонь не сойдет на Гроб... это и будет срок Битвы. Последней... той, о которой сказано в Откровении Иоанна.

*...Помолись, дорогой, помолись —
Да замедлит Господь с воздаяньем!*

– поет иеромонах Роман.

Итак, однажды нисхождения Огня не произойдет. И это будет последнее предупреждение, последний призыв от Бога – покаяться.

Как это воспримет мир? Придет в ужас? Ударится в повальную панику? А может, сделает вид, что ничего особенного и не произошло? Придумает какое-нибудь «объяснение» или подлог и снова примется обманывать себя, но уже – «танцуя на самом краю»?

Или, все-таки...

Давно приходила мысль написать об этом. Но только – даже не знал, как к этому подступиться.

Шли годы... Судьба свела меня с людьми Русской Северной Традиции. В издательстве «Альва-Первая» (его основали традиционалисты) стали выходить мои книги. Друзья пригласили меня участвовать в экспедиции в Гималаи, где сохранились очаги духовной культуры, во многом общей культуре наших далеких предков. Есть на земле места, которые... *рассказывают тебе сказку*, когда ты проходишь ими. Мне довелось таких видеть два, минимум: Эльбрус и Гималайские горы. Эти последние, их нескончаемые каменистые тропы рассказали мне повесть, которой я дал название «Черные Врата». Историю о начале Последней Битвы.

Текст, диктуемый безмолвием отрешенных и заоблачных пространств, оказывался не таким вовсе, и даже и не про то, о чем думал, что я хотел написать, потрясенный тайной Огня и Гроба. Но... «книга командует, а я подчиняюсь», как это говорит Альфред Бестер, комментируя свой творческий метод. Не думаю, что практиковать такой метод означает всего лишь плыть по течению. Потому что «командует», строго говоря, даже ведь и не книга. Уверен, этим занимается нечто Большее, нежели и писатель, и текст его, вместе взятые. Ибо ведь и *это* в определенном смысле есть нисхождение Огня с Небес...

Рад, что некоторые из фотографий, сделанных во время похода, пригодилась для оформления книги. Двумерное изображение передает очень мало, конечно, но иногда удавалось, кажется, хотя бы правильно избрать ракурс.

Пользуясь случаем, благодарю Светлану Паша – генерального директора туристической фирмы «Кайлаш». Она действительно мастер (мы это почувствовали на практике) организации нестандартных индивидуальных маршрутов.

Мое глубокое почтение ламе Гиальпо Ринпоче, настоятелю буддийского монастыря, с которым довелось увидеться и беседовать. Это человек исключительной духовности. Он горячо и настойчиво расспрашивал про Северную Традицию и Пресвятую Троицу. Особенное состояние возникло у меня при нашей беседе. И у меня такое впечатление, что она...

продолжается.

Дай Бог удачи нашим проводникам из местных, которых зовут Лила и Ом. Возможно, что они однажды спасли нам жизнь, хотя и упорно не признаются в этом. (Что интересно, их имена в переводе с санскрита дают, в сочетании: *Божественная Игра*.)

Конечно, более всего я благодарен Ларисе Невзоровой, прекрасной и смелой женщине. Я без нее едва ли бы приобщился к тому, что принято теперь называть «экстремальный туризм». Лариса, я посвящаю тебе эту повесть.

Спасибо деятелям Традиции. Эти мои друзья были первыми читателями сей повести. Их комментарии помогли сделать информативной ту часть примечаний к ней, которая затрагивает вопросы русской исконной веры.

Последнее. Не хотел бы, чтобы у читателя сложилось впечатление, будто бы я уверен, что все описываемое и вправду произойдет в *недалеком* будущем. История о Черных Вратах – не пророчество. Я руководствовался соображением: существуют вещи, о коих следует говорить именно для того, чтобы они *не* произошли... или, по крайней мере, не происходили как можно дольше. Когда писал, в моем сознании не единожды возникали сами собою слова из песни, которые поминал уже:

Помолись, дорогой, помолись —

Да замедлит Господь с воздаяньем!

7 августа 2005

Черные врата

Приду и сражусь мечом...
Апокалипсис

*Воздвигну церковь Мою... и врата адовы не
одолеют ее.*
Евангелие

*Может быть, Люцифер... ушел в отставку и
его место заняла кучка мелких и пыльных демонов,
сидящих, как попугаи на ветке, на плече у какого-
нибудь человека, не испуская никакого сияния, а,
напротив, поглощая свет.*
Дж. М. Кутзее, «Элизабет Костелло»

1. ВАЛЬКИРИЯ

Жестокая ледяная стена все круче. Она почти что отвесна. Кудесник знает, что далеко и внизу под ним черные лезвия торчащих из этой стены камней. И если он утратит опору — немедленно начнется скольжение вниз, и скорость его падения будет стремительно увеличиваться. Черные камни не остановят, потому что они не велики по размеру. Зато они легко разорвут одежду кудесника и располосуют плоть. Пожалуй, что и переломают кости.

Нащупывать под снегом опору чертовски трудно. Эта стена являет собою будто бы замерзший в лед водопад, из которого торчат камни. А пальцы леденеют все более. Разумеется, кожаные перчатки помогают кудеснику, но не много.

И постоянно стоят пред его глазами те лезвия, что внизу. Как жреческие обсидиановые ножи. Которые легко могут... Могут? Пожалуй, даже и не то слово... а крутится в голове название маккаммонова готического романа про вампиров, что довелось прочесть, коротая воздушный перелет: «они... *жаждут!*»

Из под ноги выпадает камень, что показался опорой вполне надежной. И катится камень вниз, и тело кудесника скользит вослед, медленно... *пока* медленно. Руки рефлекторно пытаются впиться в лед, растопыриваются и скрючиваются бесчувственные почти от холода пальцы.

Ладони левой везет. Она попадает в узкий зазор между выступом льда и камнем. Доносится до сознания тупо боль, причиненная острой гранью. Кисть вроде бы и зажало, но хват ее неудобен и напрягаются все мышцы руки, выдерживая вес тела.

Камень, который не удержал этот вес несколько мгновений назад, – стучается в это время где-то далеко внизу, четко и приглушенно. Наверное, сейчас он как раз достиг одного из торчащих из-под льда черных лезвий.

Падение остановлено, думает кудесник, но только — что делать дальше? Свободная рука не может нашарить под снегом ни одного выступа, на который можно было бы подтянуться. Ребра подошв ботинок тщетно скребут об лед, не обретая и самомалейшей нигде опоры. Четыре пальца руки, которая удерживает над бездной, все более немеют от холода... почти уже не чувствуется и боль, какую причиняет им острый край.

...Держаться!

Как, спрашивается, собирается он держаться, если он перестанет чувствовать эти пальцы?

Держаться!..

Да ведь зачем держаться, если конец все равно известен?

Чем-нибудь занять мозг.

Успокоиться. Достичь состояния покоя. Тогда, может быть, покой подскажет ответ.

Конец известен... и, все-таки, что может произойти до этого? Ну разве только скрежет зубовой и холодная дрожь. Быть может, и какие-нибудь галлюцинации под конец... А, черт бы с этим со всем, если бы не дело, которое привело сюда! (Да, вот именно в том и дело, что — *черт*.)

Быть может, попросить духов места...

— Каскадер!

Ого! Галлюцинации уже начались? Для них рановато, вро-

де бы.

– Ка-ска-дер!

Хоть голос и грубоват, но скорее напоминает мальчишеский, нежели мужской. Этаким задорный и звонкий, он, кажется, доносится откуда-то сверху. Не с той ли самой террасы, на которую стремился попасть кудесник?

И которая оказалась вдруг такой неприступной. Хотя и выглядела снизу красивой и... какою-то даже ласковой, безобидной.

Кому ж оттуда кричать? Да еще – по-русски? Вокруг огромный и вертикальный лабиринт изо льда и снега. Угрюмый нелюдимый красавец – печально известный Койлас. Местные жители (обитатели далеких предгорий, подступов, разумеется – здесь-то никто не выживет!) даже и они, неприхотливые и привычные ко всему, называют Койлас горою смерти.

И это не удивительно. Потому что Койлас на самом деле – это Гора Черных Врат... С какой же целью человек обрекает себя на блуждание в этих ясных безысходных просторах? Голову свернуть, разве что. Впрочем, ведь и такое может прийти в нее, в эту голову, в *последние времена*. Даже и с весьма большой вероятностью. Но и тогда русского должно бы остановить классическое: *зачем же ездить так далеко?*

Вот разве только...

– Сейчас я брошу тебе веревку!

Как неотступна эта галлюцинация... Кудесник все-таки задирает голову, смотрит вверх. И успевает заметить: у края недостижимого карниза мелькнуло что-то, напоминающее черный отблескивающий шар. И после этого громко шуршит по матовой ледяной стене, разматываясь, брошенная веревка.

Моток ее подан грамотно. Он падает не прямо на голову кудеснику, а чуть в сторону от него. Не ослепляя стронутым с места снегом и мелкими ледяными осколками. Кудеснику достается за воротник снега только чуть-чуть, когда спаситель осторожно подводит к его руке трос, перемещая его вдоль кромки, уже неподвижный и раскрутившийся.

Профессиональный спасатель?

Кудесник овладевает веревкой.

Но только это оказывается не трос, а это... веревочная лестница!

Все же галлюцинация?

Кудесник укрепляется в этой версии, потому что вдруг слышит негромкий звук работающего мотора и чувствует, что трогается вместе с этой невероятной лестницей, за которую он уцепился, вверх. По-видимому, он все-таки сорвался с неприступной стены и умер. А происходящее с ним – лишь местный и современный вариант хароновой ладьи или возносящих к Одину крылатых валькирий.

...Какое счастье стоять ногами на горизонтальной поверхности, а не висеть над бездной!

Кудесник стряхивает перчатки, он растирает руки, трясущиеся от холода и усталости, обжигающим снегом. А то ведь он уже и вовсе перестал чувствовать свои замерзшие пальцы. Когда кровообращение восстанавливается, несколько, он прижимает ладони к ледяным ушам, согревая их.

Он просто не способен делать сейчас ничего другое. Но краем глаза кудесник рассматривает, конечно же, своего спасителя. Какой-то странный глухой и шарообразный шлем, каких он не видал раньше. (А может, все-таки видал, но в кино.) У этого шлема черное и абсолютно непрозрачное для взгляда извне забрало. Обмундирование же у его носителя темно-синего цвета, хорошо пригнанное. Покрой наводит на мысль о чем-то типа спецназа... майорская звезда на погонах. На кожаном ремне через плечо «Кедр», из полукобуры торчит плоская рукоять ПСМ. Стройная фигура спасителя чуть ниже среднего роста.

Спаситель грациозным движением расстегивает свой странный шлем и небрежно бросает в снег.

– Ты не собираешься знакомиться, каскадер?

И на ветру вдруг полыхают рыжие волосы, словно пламя.

– Ты... женщина?

А он ведь ожидал чего-то подобного!

Потому что знаки предсказывали...

Кудесник просто не признавался себе, что ждет.

...Пологий и долгий путь убегает вверх. К рельефному седловидному проему в косом оснеженном гребне. Сквозь эти величественные белые ворота сияет, мягко и трогательно, хрустальный горный закат.

Кудесник радуется предстоящему восхождению – подобные дороги не кажутся ему, теперь, трудными. Кудесник отмечает опытным уже взглядом, что не ожидается на этом отрезке впереди особых препятствий.

Майор, идущая перед ним, останавливается вдруг.

Он тоже прекращает идти и взглядывает на нее, перестав слышать хруст снега у нее под ногами. Рыжеволосая смотрит вниз, туда, где проступает на снегу в тени вертолет – изящной хвостатой лодочкой. Все еще можно различить пунктир веревочной лестницы, которая идет от машины по снегу до кромки террасы, где исчезает, растворяясь во мраке бездны.

– Прости, вертушечка! – серьезно и чуть печально говорит в пространство красавица. И словно б ей действительно хочется, чтобы машина ее услышала. – Где-то на тебе стоит, скорее всего, встроенный маячок. Сюда отправятся нас ловить. А я бы никому не желала... оказаться в этих местах – сейчас.

И в следующее мгновение огненная багровая роза расцветает на месте стройного силуэта. Клубится облако взрыва. Краткий огонь поспорил одно мгновение с покойным долгим огнем заката и растворился, и только гром еще играет в горах.

И стронулась где-то в темноте и течет, судя по порыву ветра и шелесту, разбуженная лавина.

Майор уже повернулась и продолжает путь. Кудесник догоняет ее и идет с ней рядом.

И медленно становился ближе седловидный проем, и параболические края его возносятся в алое, и восходящим кажется, что эти отвесные пики гигантских врат становятся все острее и величественней.

2. ТУДА И ОБРАТНО

Кудесник заворожено смотрит, как вздрагивают яркие языки, приплясывая на черных сучьях... Он так устал в этот день. Но это не обременительная усталость, скорее – добрая. Такого рода истома охватывает к исходу дня, когда ты хорошо поработал и в целом собой доволен.

В руке кудесника жестяная кружка. В ней раскаленный чай, зеленый и крепчайше заваренный. В него добавлен еще и местного производства ром. Не Бог весть какого качества, но кудеснику кажется, почему-то, что это именно как раз то, что ему сейчас нужно.

У этого рома грозное и наивное наименование: Кухри. Так называется местное холодное оружие, род меча, короткое и изогнутое на манер крыла чайки, расправленного во взмахе.

С такую же добавкой пьет чай и красавица Майор.

И точно такую смесь держит в ладонях в кружке старик Игумен...

Сознание Кудесника блаженно и оно пусто. Ему теперь уже и не странно, что их занятия стали вдруг *именами* – по молчаливому соглашению их друг с другом: Кудесник, Майор, Игумен... Так этому и следует быть, вероятно, в *последние времена*.

Ведь это время суда. А Тот, в Чью руку передан суд – Он

сказал: *по плодам узнаете их...* О чем это я, однако? – вдруг мысленно спрашивает себя Кудесник. – Едва ли нам осталось жить дольше, чем несколько еще дней... какие уж тут плоды?

Ну и пусть...

Блестит золотой крест, наперсный, на краткий миг оказавшись прямо в луче костра. Вот именно такой блеск спас Игумена, – вспоминает Кудесник. – Привел его в их компанию. Но только от металла его креста отразился, тогда, луч солнца.

И вновь Кудесник видит блеск солнца на золотом кресте – ясно, как наяву... Полуденный белый свет... заштопанная и выцветшая ряса под распахнутой мантией... Кудесник вспоминает пройденный день. Или... как будто даже не вспоминает, а словно бы отошедший день возвратился и вновь проходит через Кудесника, сквозь его сокровенный мир. Под эту песню костра... под магию меча-рома.

...Они покинули уровень, где одни снега. Проходят плоскогориями травы, повыженной до почти что белого ультрафиолетом горного неба. Высокие и мертвые стебли вздыхают о своем тихо и нескончаемо под легчайшим ветром. И кое-где в углублениях стоит снег – ровный, словно вода. Граненые природою камни поднимаются из колышущегося блеклого – обломками древних сказок. Холодный узкий ручей перечеркивает, иногда, путь.

Здесь разговаривает лишь он, ручей. Потому что не хо-

чется здесь произносить вслух какие-либо слова.

На этом нескончаемом плато три первые дня Творения, кажется, продолжают вечно.

Кудесника останавливает, внезапно, короткий золотой просверк. Он уловил его краем глаза, случайно. Блеснуло около высоких черных камней – чуть выше и поодаль от их пути. Здесь не чему так блеснуть и поэтому вспышка будто бы загадала уму загадку.

Кудесник отступает на шаг, останавливается и медленно поворачивает голову в том направлении для того, чтобы...

А в этом направлении смотрит уже ствол «Кедра», вскинутого быстро и плавно.

Конечно, – думает с улыбкой Кудесник, – ведь это у нее профессиональное. Это, видимо, азбука боевого *поиска*. Один из возможных признаков засады или секрета: блеск...

Он открывает глаза и снова видит угли костра. Но только на один миг. И вновь затем уходит в себя и череда видений свершившегося течет перед внутренним его взором. Потрескивает огонь и кружка у Кудесника давно уже, как пуста. Его глаза вновь закрыты – Кудесник почти что дремлет.

...Майор опустила ствол. Она достает откуда-то маленькую фиолетовую коробочку, плоскую и овальной формы. Майор ее раскрывает, и Кудесник понимает тогда, что это у

нее косметический набор – скромный, словно у школьницы.

И почему-то Кудесник испытывает вдруг к этой женщине порыв нежности.

И думается ему: вот ведь странно. Когда она спасла мою жизнь, я не ощутил почти ничего, а теперь...

Майор подносит просверкнувшее зеркальце, которое в крышке фиолетовой коробочки, вплотную к побелевшим устам седого бородатого человека – недвижимого и как будто бы уже закосневшего, в рясе и в черной мантии.

– Не запотело, – произносит она через несколько секунд. – А я знала. Я это уже только так, для очистки совести... Что же нам теперь с тобой делать? Надо ли хоронить, если все равно *они* скоро все поднимутся из могил?

– Помолчи.

Кудесник уже почувствовал: у него начинает реже и сильнее биться сердце.

Как если бы он сейчас настраивал его ритм ударов по ритму своих кудес.

Отличные у него кудеса – надежной кожи, да и с двенадцатью бубенцами. Да с выверенными и начертанными умело знаками. Кудесник думал взять их с собою в этот последний и решительный путь... но раздумал. Громоздкая все же вещь, а вот пригодится ли еще – не известно.

Тем более, что Кудесник научился давно уже и без них настраивать, как угодно, ритм крови и ритм дыхания. И –

что самое главное – ритм сознания своего. Учитель говорил ему по этому поводу: ты скоро получишь *следующее* Посвящение, вероятно, коль можешь и без чудес!

А следующее посвящение, вероятно, получит скоро весь этот мир, – думает, вздыхая сквозь полусон, Кудесник.

И вот, мир начинает отходить от его сознания.

Перед глазами Кудесника свет становится серым, тусклым... и словно бы все лучи солнца оказываются поляризованы. Удары сердца теперь так редки, настолько громки (по крайней мере, так это воспринимает Кудесник) что они напоминают уже, скорее, удары колокола.

И руки у Кудесника стали, как бесплотные *ду* хи. Тогда он поскорее нащупывает правой руку Игумена, мертвую и холодную, опасаясь, что в следующее мгновение начнет уже *отходить* и тогда – не успеет.

Он это называет *отходить*, но было бы точнее сказать, наверное: мягко всплывать, кружась. Примерно так опадает осенью с ветви лист в безветренную погоду. Но только если это скольжение заснять на пленку и прокрутить назад, чуть замедленно.

Кудесник видит *серебристым* теперь – а не черным – камень, медленно удаляющийся... проваливающийся куда-то вниз. И мертвого человека в сером (так видится Кудеснику сейчас черная – для зрения физическими глазами – ряса),

привалившегося к этому камню. И видит еще Кудесник взявшего этого человека за руку... самого себя, неподвижного и лишь редко и тяжело дышащего – воистину, будто рыба, выбросившаяся на берег. Он видит и отступающую от них в удивлении на шаг Майора. Короткий ствол ее «Кедра» предстает ослепительно сверкающим почему-то, как если бы он был весь тонко ограненный алмаз.

Высвобожденный дух медленно, расширяющимися кругами, восходит над плоскогорьем. Тело Кудесника оставлено беззащитным внизу у камня. Кудесник знает, что покидает сей мир и что перестанет скоро уже и вовсе видеть его. Не станет воспринимать его даже в этом – потустороннем – свете. Но где затем Кудесник окажется? А вот этого...

Внезапно он перестает видеть что-либо вообще.

Не то, чтобы теперь все поле зрения у Кудесника застилает мрак. Но нет ему ни света, ни тьмы! Наверное, в какой-то мере это сродни ощущению от наступления невесомости: вдруг не оказывается нигде ни верха, ни низа... Но это длится лишь миг.

Подобное Кудесник испытывает не в первый раз. Поэтому совершающееся не только, что не пугает его, но временное исчезновение одного из Пяти Окон Жизни (а может, вместе и остальных?) вызывает у Кудесника даже какое-то непонятное умиротворение. Как если бы его дух отрешился вдруг от незначущей суеты. И оказался бы на краткий миг... прямо

в Центре.

Вдруг снова возвращаются мрак и свет.

И снова ощущает Кудесник свое движение... Но только это теперь уже медленное паденье вниз. А темнота и свет перемешиваются, и они опять затевают свою бесконечную игру в силуэты и предметы, в пространство-время.

Но только это время иного мира. Или же время какого-то особенного пространства между мирами, разъединяющего, а может, наоборот, сопрягающего разрозненные миры?

Кудесник точно не знает. И не особенно стремится это узнать – просто помнит, что здесь он уже бывал. Ведь он узнал это **ЗДЕСЬ**, несмотря на то, что **ЗДЕСЬ** это постоянно принимает иные формы...

Окончено течение Кудесника вниз. Толчок... и вот уже Кудесник может разобрать, что это такое у него под ногами: каменные выщербленные беловатые плиты. Над головою же у него очень высокий серый, в тяжелом сумраке различаемый едва потолок... да и потолок ли? А может, это всего лишь какая-то очень плотная непроглядная и недвижущаяся дымка?

Улыбка трогает его губы. У Кудесника впечатление, что некое перекрытие там, наверху, все же есть – и задержало его полет, как только тонкое тело Кудесника чуть сгустилось. И вот он медленно срикошетил к полу и утвердился на этих плитах, словно вдруг зафиксировавшее форму и сделавшее-

ся упругим облако.

Так именно ли это произошло? Но это не особенно его занимает, впрочем, потому что у Кудесника есть важное дело и он ведь не позабыл, ради чего он здесь.

Учитель никогда не уставал предостерегать: если ты позабудешь – то ты уже не вернешься!

И вот Кудесник осматривается и прислушивается.

И эти действия, совершенно обыкновенные, вызывают у него ощущение *абсолютно нового*. Может быть, так именно воспринимают вселенную новорожденные.

Каменные плиты видны лишь около. На расстоянии восьми-девяти шагов они становятся уже едва различимы. А дальше непроглядная стена мрака... Кудесник бродит здесь уже долго и, тем не менее, не повстречалось ему еще никаких колонн и никаких стен. Как будто здесь и вовсе нет стен, а только этот странный потолок (или все же дымка?) и плиты пола...

Порой из тьмы vyplывают навстречу какие-то неопределенные неподвижные угловатые предметы, ни на что не похожие. Обыкновенно их попадаетея на пути немного, но иногда встречаются прямо-таки нагромождения, стены или беспорядочные завалы... тогда приходится выискивать щели и в них протискиваться.

Кудесника ведет слабый голос, который он иногда вдруг слышит.

Похожий на осторожный призыв о помощи или на причинение...

Кудесник не откликается. Потому что ему известно, что здесь он должен молчать, пока не подойдет он близко совсем к тому, которого он здесь ищет.

Иначе на его зов могут явиться совсем не те, кого бы он хотел видеть. Кудесник помнит, что у его *врагов* острый слух. А здесь у них еще и плотное тело, чешуйчатое и жуткое, скользкое и стремительное... И полновластные они здесь хозяева... Если Кудесник повстречает их здесь – ему уже не уйти.

Кудесника ведет еще – кроме голоса – очень слабый (далекий?) свет. Он иногда совсем исчезает, а иногда вдруг делается виден немного ярче.

Вот и сейчас расплывчатое сквозящее мрак пятно стало, кажется, более чуть заметно...

– Дайте православному святой крест!

Кудесник улыбается.

Наконец-то он расслышал полную фразу! Это почти победа. Ведь раньше до Кудесника долетали только приглушенные расстоянием обрывки слов.

Итак – скорее вперед! Не разминуться бы только в этой

проклятой мгле... Духи! Добрые мои помощники духи! – мысленно взывает Кудесник. – Сделайте ж сейчас так, чтобы не оказалось между мною и моей целью непролазного нагромождения этих странных угловатых предметов!

И вот Кудесник видит его, наконец.

Того, спасения кого ради он рискнул здесь явиться.

Кудеснику навстречу медленно идет хрупкий мальчик, лет около пятнадцати, путаясь в каком-то белом хитоне... лицо и руки этого отрока излучают свет.

Кудесник почему-то подумал, как только он увидел его, вот именно старинное это слово: отрок. Его не изумил свет: подобное иногда случается с проходящими это непредсказуемое пространство. Но вот что удивляет Кудесника: сияние в этот раз, похоже, излучает ведь и он сам.

Приблизившийся мальчик вдруг произносит, споткнувшись и едва не упав:

– Мне страшно. Никто не откликается мне... Ну как же это я все-таки сюда попал? Где я?

Он продолжает говорить, подходя все ближе и не замечая рядом с собой Кудесника:

– Вероятно, я просто заблудился в монастырском подвале. Зачем это мне понадобилось в подвал? Да, это я всего лишь... но только где... **ГДЕ ЖЕ МОЙ НАПРЕСТОЛЬНЫЙ КРЕСТ?!** Братия! Кто здесь есть? Принесите немед-

ленно крест своему игумену! Вот-вот появится Зверь... Я
ДОЛЖЕН остановить Зверя!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.